

1

Рано или поздно наступает момент, когда приходится возвращаться к прошлому и разбираться с последствиями. Эта мысль со мной с того момента, как сегодня утром я села на поезд «Фреччиаросса»*, следующий из Триеста в Неаполь.

Отвлекает меня вибрация телефона. Раздражает даже то, что его придется вытащить из сумки, потому что я уже знаю, кто может звонить.

— Мама, поезд прибудет по расписанию, — тихо говорю я безо всяких приветствий, хотя в очередной раз пообещала себе сохранять спокойствие.

— Хорошо, мы с Чиче приедем тебя встретить.

— Не нужно, не беспокойтесь, я возьму такси.

Она возражает, не дав мне шанса что-либо ответить. Слава богу, свободное место было только в вагоне тишины**, и долго разговаривать нельзя, так что я делаю

* Frecciarossa (дословно «Красная стрела») — итальянский высокоскоростной поезд, достигает скорости до 300 километров в час. *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

** Вагоны, где необходимо выключать звук мобильных телефонов, музыку и видео и не рекомендуется разговаривать.

то, что мне удастся лучше всего: уступаю. Нужно беречь силы до события, о котором говорят уже несколько месяцев: до свадьбы моей кузины Аличе, сокращенно Чиче. Хотя бы потому, что стоит им с мамой что-то решить, как уже ничто не заставит их передумать. По идее, удивляться нечему: в нашей семье редко кто отказывал в чем-либо чувствительной красавице Аличе. Ее всегда слушали заинтересованно, с ободряющими широкими улыбками — от стихов на Рождество, пока я пряталась под столом или прижималась к ногам папы, до громогласных заявлений, как в тот раз, когда она объявила, что непременно хочет учиться на ветеринара (чтобы ей разрешили завести собаку).

Накануне экзамена на аттестат зрелости она пришла домой с коробкой, в которой сидели целых три щенка лабрадора: «Мама, папа, семью нельзя разлучать, мы должны взять их всех! И потом, так у меня будет больше практики!» — заявила она, едва переступив порог. Родители поначалу возражали, но после позволили себя уговорить, хотя тронули их не столько щенки, сколько мысль о таком сильном профессиональном призвании их дочери.

Не прошло и двух недель, как от новых непосильных забот и стресса развился дерматит у матери Аличе — моей тети Пуччи. А кузина, обнаружив, что три малыша в ее идеальной гардеробной превратили ее любимые платья в лохмотья, признала, возможно даже с большим энтузиазмом, что передумала насчет университета. Щенков отправили обратно владельцу.

Но главное, Аличе удалось обойти строжайший неаполитанский закон, суппонту*, согласно которому детей — особенно первенцев — называют в честь их дедушек и бабушек. По паспорту она Ассунта, как и мама тети Пуччи, но с самого детского садика она требовала, чтобы к ней обращались «Аличе».

Мой дядя не единожды проклял себя за то, что подарил и читал ей на ночь роман Льюиса Кэрролла. Его дочь пожелала сменить имя, потому что тоже хотела жить в Стране Чудес. Но, к сожалению, на самом деле жила в Неаполе.

«Ассунта» мне не нравится, — откровенно признавалась она тем, кто спрашивал, почему у нее имя не совпадает с документами. И до самой ее юности, пока бабушка была еще жива, мы пытались переубедить Чиче, даже говорили, что на ее именины, в день Феррагосто**, на море будут фейерверки в ее честь. Возможно, она с тех пор и стала такой хитрой, научившись не верить ничему, что ей говорят.

В конце концов ее мама сдалась, и для всего мира «Ассунта» стала «Аличе». «Чтобы у нее не случилось расстройств личности» — вот точные слова тети Пуччи.

Все драгоценности бабушки с инициалами все равно достались ей — к заглавной букве «А» у нее претензий никогда не было.

* На неаполитанском диалекте *supponta* (от *лат.* *sub-punctare*, т. е. *suppontare* — «укреплять») — культурная традиция, которая принята в семье. Она может касаться не только выбора имен, но и, к примеру, приемов пищи. Все еще распространена в регионе Кампания.

** Традиционный итальянский праздник, отмечается 15 августа.
Прим. ред.

Глубоко вдыхаю, чтобы унять внезапную боль в солнечном сплетении.

Напротив меня — две туристки из Франции. Они зашли в вагон во Флоренции и, как только заняли места, сразу же вытащили путеводители от «Лонли Плэнет» со множеством стикеров для заметок. Они тоже ехали в Неаполь и как раз попросили подсказать, где можно попробовать самую вкусную «Карбонару».

— Мы ради этого туда и едем, — счастливо пискнули они.

Я ответила, что если только ради этого, то им стоит сойти в Риме. Спустя несколько секунд неловкой тишины они обменялись неуверенными взглядами, понимающе улыбнулись и обратились за помощью к «Гуглу».

На самом деле мое уточнение было несколько поверхностным, ведь в Неаполе можно найти что угодно. Особенно если дело касается еды: в пиццерии вам вдохновенно и без особых усилий сообразят спагетти с морепродуктами или лазанью.

Девушки, которые до этого спрашивали меня о «Карбонаре», уточнили, что они двоюродные сестры, очень дружат и в восторге от путешествия. А кто я такая, чтобы разрушать их кулинарные ожидания от отдыха?

Я поглядываю на них, пока они болтают, и мне вспоминается поездка на Джербу*, куда мы отправились с Аличе. Бабушка решила сделать нам такой

* Остров в Средиземном море, в южной части залива Габес, крупнейший у побережья Туниса.

подарок. Я пару лет как перебралась в Триест, поступив в университет, и, чтобы вернуть меня в отчий дом, моя мать, тетя Пуччи и ее свекровь придумали надежный план.

Аличе должна была разбудить во мне чувство тоски по семье.

К счастью, кузина даже не пыталась убедить меня вернуться в Неаполь. Мало того, большую часть нашего отпуска она не обращала на меня внимания. В день нашего приезда она познакомилась с Аленом, одним из врачей «Средиземноморского клуба»*, и исчезла из моего поля зрения. Так что на тунисской земле я получила подтверждение, что переезд в Триест был правильным решением.

Радуюсь, что необходимость выслушивать проповеди на тему семьи отпала, я решила насладиться этой неделей по полной программе: начала пробовать все доступные виды спорта и увлеклась одним из тренеров.

Мы ни разу не разговаривали, но я была уверена, что нравлюсь ему. Каждый день, ровно в семь, я, накрасившись, «случайно» проходила мимо его школы парусного спорта в раздельном купальнике (чтобы подчеркнуть свой внушительный третий размер) и в черном парео (чтобы скрыть неидеальные ноги). И пока он протирал доски для серфинга, мы

* Club Med, или Club Méditerranée (*фр.* Средиземноморский клуб), — международный туроператор с сетью курортных комплексов в разных странах с системой «все включено» премиум-класса.

бросали друг на друга долгие взгляды, но никому не хватало храбрости сделать первый шаг. И мы ограничивались идиотскими улыбками (в основном моими).

Я узнала, что он испанец, но со скандинавскими корнями. Он походил бы на Хавьера Бардема, родись тот голубоглазым блондином с веснушками. Он был так красив, что при каждой нашей встрече у меня пересыхало во рту, и я не могла выдать ни «привет», ни *hola**.

Через пару дней кузина все же вмешалась:

— Лидью**, раз ты сама не торопишься, за дело возьмусь я.

В тот же вечер мы нарядились со всем блеском, и она провела для меня ускоренный курс «соблазнения», а потом даже одолжила свое украшение-талисман — цепочку с подвеской в виде солнца. Но дело было не в бескорыстной щедрости: ей просто надоело, что я рано ложилась спать в нашем бунгало — его они с Аленом хотели превратить в любовное гнездышко.

И пока она ждала «своего» доктора, который в медпункте зашивал рану на лбу какому-то голландцу, мы устроились на плетеном диванчике. Стоило появиться «моему» инструктору по серфингу, Аличе бесстрашно бросилась к нему каким-то кошачьим прыжком, а я осталась сидеть, веря в ее врожденную способность воплощать желаемое — а точнее, достигать своего в любых обстоятельствах.

* Привет (*исп.*).

** Так звучит принятое сокращение имен, ударение в таком случае падает на последний слог.

Они начали говорить на ломаной смеси итальянского и испанского, он предложил ей бокал рома с колой. А когда Аличе попыталась узнать, могу ли я его заинтересовать, он, взглянув на меня издали, спросил: «*La muchacha que tiene el pelo rizado?*»

Ризадо? Чиче вздрогнула, подумав, что он какой-то маньяк и сказал ей что-то вульгарное про мой зад. Не допив коктейль, она пошла ко мне и сообщила, что, вероятно, все же не стоит заводить курортных романов с такими хамами.

Так и рухнул мой воздушный замок с мечтами о нас, о детях с внешностью викингов, которые говорили бы на трех языках, и о паэлье, которую я ела бы всю жизнь. Больше я мимо школы серфинга не дефилировала. Ровно в семь я садилась во дворике нашего бунгало с бокалом пива. *Adios, mi amor**.

В последний день отпуска, перед отправкой автобуса, который должен был отвезти нас в аэропорт, мы разговорились с пареньком из Аргентины. На его футболке красовался Марадона, и, узнав, что мы из Неаполя, он принялся расспрашивать нас о своем кумире. Он наизусть знал все голы, которые забил Марадона, когда играл за «Наполи». Мы кивали, надеясь, что двери автобуса откроются поскорее и избавят нас от этого одержимого футболом клеща. В какой-то момент, описывая «золотого мальчика»**, он упомянул его отличительную черту, *pelo rizado*. Мы тут же очнулись от скуки, спросили, как это переводится, и только тогда поняли,

* Прощай, моя любовь (*исп.*).

** El pibe de oro — так называли Диего Марадону (1960–2020).

что произошло недоразумение. Слова испанского аниматора означали всего лишь «девушка с кудрявыми волосами».

Вот так из-за языкового барьера Аличе я лишилась шанса жить долго и счастливо со статным серфингистом.

А кузина не ограничилась экзотическим приключением с врачом-французом — он еще и приехал навещать ее в Неаполь на Рождество и подарил ей кольцо с изумрудом. Маленьким, но очень красивым.

— Скромно, — ответила я, когда она мне его показала. — Для твоих маленьких ручек идеально.

За то, как я смогла так коварно уместить две гадости в одну фразу, мне до сих пор немного стыдно.

В двадцать один год моя кузина получила кольцо, а я оставалась одинокой, жила почти за тысячу километров от дома, делила мансарду с другой студенткой, боролась с вьющимися волосами и учебниками латыни перед экзаменом в университете.

Это, должно быть, такое свойство человеческой памяти — такой механизм самообороны, который перебирает недоразумения, забавные воспоминания, неудачные шутки, только бы заместить боль или грусть. В общем, что угодно, лишь бы не сталкиваться с реальностью.

Если подумать о каком-нибудь неприятном событии в прошлом, настоящее не будет казаться таким ужасным, правда? Может, это и жалкий фокус, но все равно работает.

И воспоминание о том не самом счастливом отпуске определенно отвлекло меня от мысли, что завтра я стану

главной подружкой невесты на третьей свадьбе своей кузины. Как бы то ни было, раз мне удалось преодолеть ощущение неполноценности и одиночества, которое я испытала тогда на Джербе, неизбежный вопрос от тети Пуччи про моего жениха уже не должен так пугать.

Мне кажется, она даже не верит, что Пьетро существует. Она никогда его не видела, хотя мы с ним встречаемся уже пять лет. Но он не приезжал со мной ни на одно Рождество, свадьбу или семейный праздник. На ее месте я бы тоже сомневалась.

Пьетро не смог сопровождать меня и в этот раз, потому что должен был ехать на конгресс «Налоговая реформа: выгоды и будущее». Программу я знаю наизусть. Листок с эмблемами Торговой палаты, Конфиндустрии* и различных профессиональных ассоциаций месяцами висел на его высокотехнологичном холодильнике под магнитом Эйфелевой башни, который я подарила ему во время уик-энда в Париже. Наверняка этот листок был ему очень дорог, потому что раньше под тем магнитом всегда красовалась одна из наших немногих совместных фотографий. Мне она очень нравилась: хотя у нас обоих закрыты глаза, а на фоне нет захватывающего дух вида, на ней мы оба счастливы. Мы только что вышли из кафе со шведским столом, где он любил отмечать дни рождения и где как раз съел непомерное количество томленной свинины и взял свою обычную добавку маринованного говяжьего языка. Налетел сильный

* Всеобщая конфедерация итальянской промышленности, или сокращенно Конфиндустрия (*um. Confederazione generale dell'industria italiana, Confindustria*).

порыв ветра, мы обнялись и расхохотались, а его друг нас сфотографировал. Представляю, как небрежно Пьетро заменил нас на листок с «Выгодой и будущим».

От нашего последнего телефонного разговора у меня по-прежнему горький привкус во рту, хотя вчерашняя беседа в точности повторяла наш обычный диалог.

— Милая, у тебя есть пара минут?

Когда он начинает вот так, я уже знаю, что должна сидеть и думать о чем-то хорошем и веселом: меня ждет монолог.

— Это очень, очень важный конгресс, ты же видела, какие организации там будут?

С момента нашего знакомства он участвовал примерно в сотне симпозиумов и конгрессов и добрую половину организовал сам. Вся его энергия уходит в планирование конференций, воркшопов, встреч и форумов (разницы, признаться, я не вижу и углубляться в эту тему никогда не желала), и везде, конечно, он выступает как докладчик.

Вообще-то, подозреваю, он уже и сам сомневается, что эти мероприятия приведут к нему новых клиентов. Знаю, он хотел бы, чтобы я его поддержала, но, когда отказ или обман очевиден, я никак не могу его мотивировать.

— Связи с общественностью — ключевая часть моей работы. Для тебя двадцать седьмое число месяца — день зарплаты, а для меня — нет.

А вот и шпилька тут как тут: когда я ему не потакаю, он начинает вести себя немного неприятно.

Сказать по правде, сама идея конгрессов неплоха. Но, видимо, на этапе между отправкой приглашений

различным высокопоставленным лицам и финальными прощениями что-то идет не так, потому что в итоге он оказывается без сил и, как он выражается, только с «парой закинутых удочек».

— Я должен пообщаться с членом городской управы. У меня есть его номер телефона, и я даже отправил ему сообщение. Он мне не ответил, но, не сомневаюсь, на мероприятии мы поговорим.

Пьетро убежден, что хорошую должность можно получить только хитростью. Что ограничиваться ведением бухгалтерии для компаний или составлением налоговых деклараций — удел зануд, а не дипломированных специалистов, как он. Если бы он мог загадать одно желание — всего одно за всю жизнь, — он попросил бы место в совете директоров крупной компании.

Когда я несколько месяцев назад показала ему приглашение Аличе за ужином с отличной бутылкой совиньона у меня дома, пока он был в особенно хорошем настроении, он сказал:

— Но в эти дни идет конгресс! И потом, ты же знаешь, у меня аллергия на свадьбы, особенно на южные, где тебя берут в заложники на два дня.

И как тут ему возразить? Пьетро прав, это пытка даже для меня. Хотя иногда он мог бы и плюнуть на свои конгрессы и предубеждения против Юга, раз уж говорит о любви ко мне, а мой неаполитанский акцент еще довольно заметен.

Снова вытаскиваю телефон из сумочки, чтобы проверить, не пришло ли от него сообщение, но ничего нет.

Меня убивает холодный воздух из кондиционера, но у меня хотя бы есть платок «Эрмес»* от бабушки Лидии. Она купила его подержанным, обращалась с ним как с реликвией и оставила мне в наследство вместе с деревянным туалетным столиком с зеркалом в полированной латунной раме, которое каждое утро переносит меня в тридцатые годы. Что бы она сказала, узнав, что я до сих пор не вышла замуж? В мои годы сама она уже как раз готовилась стать бабушкой.

С другой стороны, она бы радовалась за Аличе — хотя, возможно, посчитала бы перебором придавать свадьбам такое значение, чтобы их аж коллекционировать, как это делает ее внучка. К тридцати семи годам Чиче уже дважды развелась и в тридцать девять собиралась сказать «да» в третий раз. Но теперь планируется классическая свадьба в духе высшего света Неаполя, а у алтаря ее будет ждать блестящий нейрохирург. И уже по традиции моя тетя Пуччи на седьмом небе.

«Теперь можно и умереть», — говорит она моей маме, чтобы та лопнула от зависти.

У бабушки Лидии было двое сыновей: мой папа Феличе и мой дядя Джанни, отец Аличе. Меня называли в ее честь, потому что я родилась на несколько

* Французский модный дом «Эрмес» (*фр.* Hermès) начал делать квадратные платки из тонкого китайского шелка с разными изображениями с 1937 года. Ради их производства открыли отдельную фабрику в Лионе, и до сих пор платки производятся там вручную.

месяцев раньше кузины и по закону суппонты имя перешло ко мне.

Но моя удача в тот самый момент и закончилась, так как Чиче резко вырвалась вперед, превратившись из Ассунты в Аличе.

И у нас с ней так было всегда: кому-то все, а кому-то ничего.